

что я вамъ скажу. Я знаю, что вы привыкли напиваться хоть разъ въ недѣлю на ея деньги. Хорошо, Джулія побалуешь васъ въ послѣдній разъ. Вотъ, берите и напейтесь себѣ съ Богомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ.

И онъ протянулъ имъ два или три шиллинга, которыя старуха съ жадностью схватила, и затѣмъ чета удалилась, а м-ръ Бадберри поглядѣлъ имъ вслѣдъ, засунувъ руки въ карманы:

— Бѣдная дѣвочка! — пробормоталъ онъ, — ей рѣшительно не повезло въ жизни. Охъ! и зачѣмъ это только существуютъ бѣдники на свѣтѣ!

Въ восемь часовъ утра въ одинъ прекрасный понедѣльникъ Джимъ былъ освобожденъ. Мнѣ говорили, что выходить изъ тюрьмы кажется еще тяжелѣе, нежели входить въ нее, для такого рода подсудимыхъ, какъ этотъ молодой человѣкъ. Когда онъ вышелъ въ проклятыя ворота и очутился на улицѣ, снова свободнымъ человѣкомъ, его щеки вспыхнули отъ стыда, котораго онъ почти не чувствовалъ въ тюрьмѣ, сердце его упало, а въ глазахъ потемнѣло. Въ эту минуту кто-то тронулъ его за рукавъ, онъ пришелъ въ себя и обернулся.

То была его мать. Джимъ застоналъ и отскочилъ отъ нея съ выраженіемъ ужаса во взглядѣ.

— Это вы? — закричалъ онъ, отталкивая ее съ такимъ жестомъ, какого онъ не забудетъ до конца жизни. — Вы рѣшаетесь показываться мнѣ на глаза послѣ того какъ привели меня сюда и навѣки обезчестили. Вы пришли полюбоваться на мой позоръ?

— Я пришла узнать, раскаялся ли ты?

— Раскаялся, какъ бы не такъ!

— Этотъ человѣкъ, какъ бишь-его, Бадберри, приходилъ ко мнѣ вчера вечеромъ, — холодно продолжала она. — Онъ сказалъ мнѣ что эту женщину, твою бывшую подругу, небо покарало за ея беззаконія. Чаша ея переполнилась и она умираетъ. Онъ обвинялъ меня въ томъ, что я причиною ея смерти, но это вздоръ. Кромѣ того, единственнаго раза, когда я высказала ей правду въ глаза, я ея больше не видѣла. Ступай къ ней и постарайся вмѣстѣ покаяться.

Онъ не дослушалъ и убѣжалъ. Я думаю, что онъ больше никогда не увидится съ своей матерью.

Его не оттолкнуло исхудалое, измученное лицо Джуліи, ея слабость и поблекшая красота, — какъ только она, съ тоской, повернула глаза къ двери, въ которую онъ входилъ, прежняя любовь нахлынула на него — въ сущности она никогда и не умирала въ немъ — съ такой жгучей нѣжностью и горькимъ рас-